

Он приходил каждую пятницу. Ровно в семнадцать тридцать. В снег, в дождь, в июльскую, иногда невыносимую, жару и в январские трескучие морозы. В назначенное время раздавался вкрадчивый негромкий стук, и её сердце каждый раз от неожиданности плюхалось куда-то в область желудка, а потом радостно начинало трепыхаться в горле, совершенно лишая голоса в первые секунды. Уже полгода эти встречи доставляли ей какую-то стыдную радость и душевное смятение от мысли, что она — воровка. Или нет — кошка-приблуда, которая греется у чужого огня и ворует кусочки чужого тепла.

Иногда, поддавшись унынию и ничем не утешаемому чувству несчастливости, повинувшись классике жанра, рыдала ночами в шёлковую наволочку, на которой недавно лежала Его голова. А утром, видя в зеркале опухшие карасёвые веки, давала себе слово, что в четверг позвонит Ему и отменит встречу. К обеду отёки спадали под тяжестью долек сырого картофеля, настроение ползло вверх, потому что у неё есть эта пятничная радость, и желание отменить свидание благополучно растворялось в повседневной суете... Она ругала себя за малодушие, устраивала себе драматическую рефлексю перед котом, который с умным взглядом выслушивал её психологические потуги, вяло повиливая пушистым хвостом. Рефлексия быстро сдавалась под мощным напором страха *одиночества*. Слова, которое было словно выскоблено железными палочками на гранитной плите в её сознании.

Одинокая женщина — это не образ жизни, это образ мироощущения. Она хорошо понимала и ясно видела перспективу, точнее сказать — отсутствие перспективы, в таких отношениях с женатым мужчиной. Иногда после утомительного

рабочего дня, в суете и размеренности которого был хоть какой-то смысл и хоть какой-то намёк на упорядоченность, она забывала о Нём, отвлекаясь на разговоры с коллегами, на графики и отчёты. Но вечером... Всё начиналось с того момента, когда офис дружно и торопливо начинал собираться домой. Панический страх пустой и кажущейся холодной квартиры заползал своими безжалостными щупальцами в душу, мозг паралитически пытался сопротивляться этим сигналам, но образ тёмного брюха одинокого жилья, которое через каких-то сорок минут упрячет её в свою утробу, не радовал и не вселял надежды на будущее. Она пробовала обмануть и себя, и это брюхо. Оставляла включённым свет. Это создавало видимость присутствия кого-то ещё в доме и на первых порах помогало. А потом опять пришло осознание того, что это всего лишь иллюзия и что, кроме кота, её никто не встретит на пороге и не раскроет радостных объятий.

Вечерами она любила смотреть из темноты на окна соседнего дома. Они светились разным светом, таким таинственным и манящим другой жизнью. Она научилась придумывать эту жизнь, ориентируясь на цвет. Вот окно светится голубым. Наверное, работает телевизор, муж вполглаза пялится на экран, ожидая, когда призывные и аппетитные запахи с кухни превратятся в котлету или гуляш. А вот окно, освещённое ярким оранжевым светом. Это, наверное, детская. В ней тепло, надёжно, пахнет стиранной детским порошком одеждой и пластилином. Машенька рисует, Пашенька лепит слонёнка с забавно вывернутым хоботком. А вот окно сиреневое. Что там, за этой сиренью? От него веет каким-то магнетизмом и ещё каким-то чувством — то ли непричастности, то ли зависти, то ли просто она пока не смогла определить, что это за чувство. Бывает же так: чувствуешь, а рассказать не можешь. Но щемило в груди. Для каждого окна она придумала свою историю. Но все они делились на три категории.

На кухнях безмолвными манекенами шевелились женщины, в детских играли дети, в скрытых от постороннего взора спальнях люди любили друг друга. Ни ссорам, ни скандалам, ни скучным историям не нашлось места в её фантазии...

Иногда в неё вселялся бес, который вкрадчиво нашёптывал ей, что ещё всё возможно, что всё будет — надо только чуть-чуть постараться. Она устраивала генеральную уборку, отчаянно и с самозабвением тёрла ковры и посуду, снимала

с зеркал тусклую паутину пыли, до блеска натирала краны в ванной и возвращала природную белизну унитазу. Казалось, вещи благодарно шамкали очищенным ворсом, звякали тютчевской хрустальной прозрачностью, диванные подушки радостно подскакивали, облачившись в новые гобеленовые одежды. Она летала по квартире, раскрасневшаяся, гибкая, орлиным взором выискивающая затаившиеся островки грязи, куда её карающая рука ещё не добралась. Летала и думала: Он придёт в пятницу, а у неё такая чистота. Мужчины ведь любят уют и порядок, мужчины любят, когда их ничего не раздражает, не отвлекает и не напрягает. Всё чистенько, запах свежести умиротворяет, комфорт успокаивает и затягивает, и Он в очередной раз убедится, какая она прекрасная хозяйка. А ещё она напечёт Его любимых пирогов с яйцом и луком. Они сядут на кухне за круглый стол, покрытый клеёнчатой скатёркой, она заварит дорогой индийский чай, разольёт его в цветочные пузатые чашки, и они будут просто мило беседовать о разных пустяках. Правда, чаще всего на чаепития времени не оставалось. Он спешил к семье, да и повышенный холестерин не позволял насладиться её кулинарными шедеврами. Бес безучастно и тихо, не возмущаясь, рассеивался вместе с парком над остывающими чашками, оставляя горькое послевкусие слишком густой чайной заварки...

Вот так она жила от пятницы до пятницы. Выходные она переживала спокойно, перед телевизором, или за компьютером, или у мамы за городом. Потому что у неё было что помнить и на что надеяться. На пятницу. В субботу она жила воспоминаниями о встрече и Его запахом на подушке, Его шлёпанцами, Его полотенцем. В воскресенье — остатками субботы. С понедельника — надеждой будущей встречи. Она не считала себя несчастной. Ведь у неё была пятница. У многих женщин не было и этого, потому что немногим удаётся жить, ни на что не претендуя, не жалея настоящего, не проклиная прошлого. Дальше окон в соседнем доме её мечты не простирались. А чужие окна — это, согласитесь, всего лишь чужие окна.